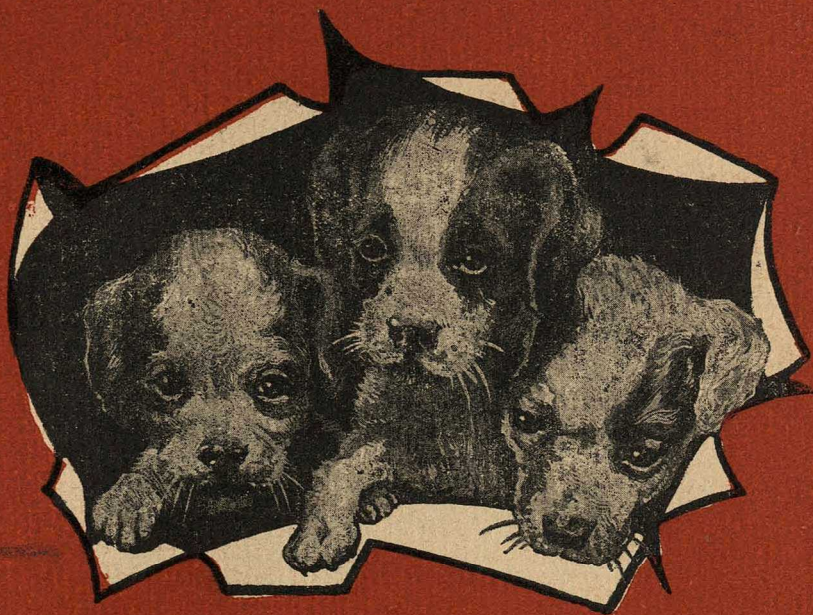

Годъ изданія девятый.

ІЮЛЬ.

№ 18.

1916.

XVI 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ ПРИНЦА.
УТРОМЪ (стих.).
ЛѢТНЕЕ УТРО (стих.).
СОВА И АИСТЪ (сказка).
НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ (повѣсть).
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Деревенскій домикъ—для склеиванія.
„Пріятели“—картинка.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ тепломъ гнѣздышкѣ.

ЗАПИСКИ ПРИНЦА.

Въ одинъ морозный зимній вечеръ мой новый хозяинъ возвратился домой, распахнулъ шубу и досталъ меня изъ-за пазухи. Я дрожалъ отъ холода.

— Вотъ вамъ подарокъ! обратился онъ къ дѣтямъ.

Они подскочили ко мнѣ, взяли меня отъ него и стали разглядывать меня со всѣхъ сторонъ.

— Какой хорошенькій!.. сказали они.— Дай, я подержу его!

— Нѣтъ, дай я!

Я едва дышалъ. Обѣ заднія лапки у меня были въ крови. Пьяный мужикъ сбросилъ меня прямо съ телѣги на обмерзлую дорогу и, падая, я расшибъ себѣ ихъ въ кровь. Закоченѣвъ отъ холода, я лежалъ прямо на дорогѣ и, если бы не поднялъ меня проѣзжавшій мимо господинъ въ шубѣ, то я совсѣмъ бы замерзъ. Къ счастью, возвращаясь домой и увидавъ на дорогѣ что-то черное, онъ остановилъ лошадь и подобралъ меня.

Дѣти вообще любятъ животныхъ, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что меня встрѣтили съ распростертыми объятіями. Дѣвочка Соня промыла мнѣ лапки и обложила ихъ ватой, Оедя сбѣгалъ на чердакъ и притащилъ оттуда круглую, плоскую корзину, а Таня выпросила у мамы старое разорван-

ное одѣяльце и всѣ четверо принялись устраивать для меня постель. Приготовивъ ее, они уложили меня въ нее и я улегся въ ней, точно въ гнѣздѣ. Затѣмъ они оставили меня одного и тихонько, на цыпочкахъ, ушли къ себѣ въ дѣтскую.

Утромъ они долго разсуждали о томъ, какъ меня назвать. Соня просила, чтобы меня назвали Шарикомъ, а Оедя и Таня — Дружкомъ. Но Саща рѣшительно этому воспротивился.

— Почему знать? сказалъ онъ.— Быть можетъ, это даже вовсе и не собака, а какой-нибудь заколдованный принцъ! Какая-нибудь злая баба-яга заколдовала его и превратила его въ щенка. Давайте лучше назовемъ его „Принцъ“!

— Давайте, давайте, согласились сестры и братъ.

И я былъ названъ Принцемъ.

Я поднялся въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; только ноги у меня еще болѣли, потому что я все еще хромалъ. Къ концу-же недѣли зажили и онѣ, и я прыгалъ уже на всѣхъ четырехъ. Я росъ не по днямъ, а по часамъ, и выдѣлывалъ всевозможныя проказы; я былъ уменъ, вѣжливъ и послушенъ. Но, увы! въ моей красотѣ всѣ скоро разочаровались! Черезъ

два-три мѣсяца я выросъ въ такую громадную собачицу съ длинными ушами, что достигалъ Сашѣ чуть не до пояса. Породой я не отличался, зато глаза у меня свѣтились умомъ и добротой. Всѣ въ домѣ, отъ мала и до велика, горячо полюбили меня и я самъ привязался ко всѣмъ. Но къ дѣтямъ, я положительно былъ привязанъ больше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Я всегда участвовалъ въ ихъ играхъ, было-ли то въ комнатѣ, или въ саду, и старался оказывать имъ услуги, какія могъ. Я понималъ каждое ихъ слово.

Замѣтивъ среди нихъ ссору или споръ, я тотчасъ-же начиналъ сердиться и самъ. Иногда случалось, что они даже дрались; тогда я начиналъ на нихъ громко лаять, различалъ ихъ и, если это мнѣ не удавалось, то я просто ихъ кусалъ; я хваталъ ихъ за руки и за платья зубами и старался растащить ихъ въ разныя стороны. А если и это не помогало, то я начиналъ жалобно скулить съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ ихъ умолять прекратить ссору или драку и помириться вновь. Я отлично зналъ всѣ ихъ игрушки и умѣлъ различать, которая изъ нихъ кому принадлежала. И если они забывали въ саду на ночь своихъ куколъ или лошадокъ, то я заботливо вносилъ ихъ въ домъ.

Однажды Одея захотѣлъ немножко помучить Таню и сталъ подбра-

сывать ея куклу, точно мячикъ, вверху. Я сталъ такъ на него ворчать, что онъ испугался и долженъ былъ возвратитъ куклу сестрѣ.

Въ другой разъ ихъ мама, чтобы подразнить меня, надѣла на себя шляпу Сони. Ей хотѣлось испытать, замѣчу-ли я на ней эту перемѣну? Мнѣ было стыдно бросаться на свою хозяйку, но я дѣйствительно замѣтилъ на головѣ у мамы чужую шляпу и цѣлые полчаса ходилъ за нею слѣдомъ и ворчалъ, точно стараясь сказать ей этимъ, что она поступила не хорошо. И до тѣхъ поръ я не успокоился и не замолчалъ, пока она не сняла наконецъ шляпу и не положила ее въ прихожей на столъ. Тогда я подошелъ къ этому столу, взялъ съ него шляпу и съ торжественнымъ видомъ поднялся съ нею наверхъ и положилъ ее на кровать къ Сонѣ.

Когда Саша и Соня уходили въ гимназію, то я ихъ обыкновенно сопровождалъ. Часть пути они шли вмѣстѣ, а затѣмъ, дойдя до одного угла, шли въ разныя стороны: Саша къ себѣ въ гимназію, а Соня къ себѣ. И каждый разъ я сопровождалъ ихъ до этого угла и степенно возвращался домой. Когда же они выходили изъ гимназіи, то на томъ-же самомъ углу я снова ихъ встрѣчалъ и на этотъ разъ уже несъ домой въ зубахъ книжки Сони. Я былъ ихъ вѣрный другъ и преданный товарищъ.

Каково же было наше общее горе, даже больше: каково было наше отчаяніе, когда ихъ папа вдругъ объявилъ имъ, что мы должны будемъ разстаться навсегда!

— Какъ?.. воскликнула Соня.— Почему? Что случилось?

— Этого не можетъ быть! воскликнулъ Саша.— Мы ни за что на свѣтѣ не разстанемся съ нашимъ Принцемъ!

Но папа выслушалъ ихъ, вздохнулъ и объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Хозяева дома, въ которомъ мы жили, выдали замужъ свою дочь и рѣшили передать ей и ея мужу нашу квартиру. Попросту— они отказывали намъ еще за долго до истеченія срока найма. Папа и мама встревожились, стали подыскивать себѣ новую квартиру, но была зима и свободныхъ квартиръ не было во всемъ городѣ ни одной.

Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ имъ удалось найти довольно удобную и подходящую квартиру въ домѣ двухъ богатыхъ стариковъ Курносовыхъ. Сами они занимали весь нижній этажъ, а верхній отдавали внаймы. Они были очень довольны, что находили такихъ хорошихъ жильцовъ, но когда узнали, что у папы и мамы есть дѣти, да еще цѣлыхъ четверо, то сдѣлали гримасу и разочаровались.

— Четверо дѣтей!.. Фи!.. вздохнула г-жа Курносова.

— Шутка-ли сказать—цѣлыхъ четверо! повторилъ Курносовъ.

— Сколько шума, сколько криковъ и бѣготни! сказала старуха.

— Да, подтвердилъ и ея супругъ,—бѣготня и беспорядокъ по всему дому!..

Мама стала увѣрять ихъ, что всѣ ея дѣти очень умны, добры, какъ ангелы, и совершенно непохожи на другихъ дѣтей; что они не стучать ногами, никогда не поютъ и не опрокидываютъ стульевъ и столовъ и вообще не дѣлаютъ ровно никакого шума надъ головами нижнихъ квартирантовъ.

Наконецъ, волей-неволей, старики согласились сдать квартиру жильцамъ даже съ четырьмя дѣтьми. Но увы! что касалось до другихъ живыхъ существъ, то они и слышать не хотѣли о нихъ.

— Мы не выносимъ у себя въ домѣ, сказали они,—ни канареекъ, ни попугаевъ, ни собакъ, ни куръ. Ахъ, эти ужасные пѣтухи! Когда они начнутъ кукурекать, то мы не можемъ спать до утра! Когда лаютъ собаки, то такъ намъ и кажется, что къ намъ лѣзутъ воры!.. Какъ хотите, милостивые государи, но если вы заведете у себя хоть одну такую дрянъ, то мы немедленно-же откажемъ вамъ отъ квартиры.

Дѣлать было нечего, стояла зима, квартиръ больше не было во всемъ городѣ, и папа съ мамой поневолѣ должны были согласиться. Такимъ

образомъ мнѣ предстояла вѣчная разлука съ моими дорогими друзьями-дѣтьми.

Дѣти затосковали, перестали играть. Каждую минуту они были готовы разрыдаться и по малѣйшему поводу слезы выступали у нихъ на глаза.

— Бѣдный Принцъ! говорили они—Какъ теперь мы будемъ безъ него?..

Наступилъ послѣдній день и мы должны были разстаться навсегда: папа подарилъ меня одному своему знакомому, какому-то Андрею Гавриловичу и въ день переѣзда на новую квартиру отвелъ меня, къ новому моему хозяину. Бѣдный, я даже и не подозрѣвалъ, какая судьба меня ожидала! Меня заперли на ключъ въ чуланъ, гдѣ я долженъ былъ просидѣть нѣсколько дней, пока не привыкну къ своему новому жилищу и не позабуду о дѣтяхъ. Они же переѣхали совсѣмъ на другую сторону города, вѣроятно все время плакали и проклинали своихъ новыхъ домохозяевъ. До прежней нашей квартиры нужно было идти теперь болѣе часа, такъ что ничего не могло быть удивительнаго въ томъ, что я, просидѣвъ въ своемъ чуланѣ цѣлую недѣлю, не могъ уже больше найти ихъ по слѣдамъ, такъ какъ за это время выпалъ свѣжій снѣгъ и закрылъ собою весь оставшійся послѣ моихъ прежнихъ хозяевъ запахъ.

Вскорѣ-же послѣ ихъ переѣзда на новую квартиру я прибѣгалъ на дворъ, обнюхивалъ лѣстницу, скулилъ и царапался въ дверь, и, когда меня прогнали, то я ушелъ, жалобно визжа и опустивъ хвостъ. И это повторялось потомъ нѣсколько разъ; понявъ затѣмъ всю бесполезность своихъ посѣщеній своего стараго жилища, я мало-по-малу сталъ привыкать къ своему новому господину и примирился со своей судьбой.

Прошло около полугода. Однажды въ воскресенье кухарка моихъ прежнихъ господъ была у своей матери на другомъ концѣ города и по дорогѣ встрѣтилась вдругъ со мною. Я такъ обрадовался ей, что чуть не сбиль ее съ ногъ.

Я бросился къ ней, сталъ лизать ей руки и прыгалъ до самаго ея лица; я лаялъ, подскакивалъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, скулилъ и производилъ такой шумъ, что сбѣжался народъ и, принявъ меня за бѣшеную собаку, чуть-было меня не убилъ. Кухарка съ трудомъ убѣдила всѣхъ, что это не отъ бѣшенства, а отъ радости и, чтобы какъ нибудь убѣжать отъ меня, сѣла въ трамвай и уѣхала къ себѣ домой.—Я тотчасъ-же бросился вслѣдъ за ней. Я не помнилъ себя отъ радости и, сломя голову и позабывъ обо всемъ, мчался за вагономъ. Добѣжавъ до моихъ любимцевъ, я съ такой силой толкнулся всѣмъ тѣломъ во

входную дверь, что она распахнулась, далеко отбросивъ отъ себя стоявшій около нея стулъ. И вдругъ я влетѣлъ въ дѣтскую.

— Принцъ! воскликнули дѣти.— Нашъ милый, дорогой Принцъ!

Представьте себѣ нашу радость и тотъ крикъ, который дѣти подняли, увидѣвъ неожиданно меня! Мы всё пятеро стали кататься по полу, я лаялъ изъ всѣхъ своихъ силъ, а они плакали отъ радости и кричали, точно было свѣтопреставленіе.

Какъ вдругъ раздался звонокъ. Кто бы это былъ?.. Сама г-жа хозяйка!.. Мы такъ и замерли отъ страха... Вышла мама, пригласила ее въ гостиную, но она не захотѣла и прямо направилась къ намъ въ дѣтскую.

— Ваши дѣти такъ шумятъ, сказала она,—что внизу невозможно разговаривать. Но что это такое?.. Кажется, собака?

— Простите, пожалуйста, отвѣтила ей мама;—мы совершенно не виноваты въ томъ, что произошло. Эту собаку мы подарили нашему знакомому, который живетъ со всѣмъ на другомъ концѣ города; мы не видали ее уже цѣлые полгода и даже позабыли о ней, но сегодня она, какъ на грѣхъ, встрѣтила на улицѣ нашу кухарку, помчалась вслѣдъ за нею за вагономъ трамвая и прибѣжала по ея слѣдамъ сюда.

— Надѣюсь, что завтра-же этой

дряни не будетъ у меня въ домѣ, сухо произнесла г-жа Курносова, величественно вышла изъ комнаты и удалилась къ себѣ.

Меня опять отвели къ Андрею Гаврилычу, но напрасно... На слѣдующій-же день, рано утромъ, я опять уже царапался у черной двери и тотчасъ-же, какъ только ее отворили, скользнулъ на лѣстницу, прибѣжалъ въ кухню и, довольный судьбою, точно никогда и не разставался съ дѣтьми и точно г-жи Курносовой вовсе и не существовало на свѣтѣ, забился подъ столъ и сталъ весело постукивать хвостомъ.

Что оставалось дѣлать? Опять папа отвелъ меня къ Андрею Гаврилычу, но не успѣлъ еще возвратиться отъ него домой, какъ я уже снова сидѣлъ у него подъ столомъ въ его новой квартирѣ и повиливалъ хвостомъ. Тогда папа и мама рѣшили вмѣстѣ спуститься внизъ къ Курносовымъ, объяснить имъ, въ чемъ дѣло, и замолвить словечко за меня. Неужели они будутъ такъ жестоки, что не рѣшатъ мнѣ поселиться у своихъ хозяевъ послѣ столькихъ, пережитыхъ мною, страданій? Но Курносовы отказались на отрѣзъ. Оставалось теперь только одно средство — это вовсе съѣхать съ квартиры и папа объявилъ имъ, что съ 1 января будетъ искать для себя уже новое жилище. Они согласились.

Тѣмъ временемъ какая-то родственница Курносовыхъ заболѣла и должна была уѣхать въ Крымъ. У нея была дѣвочка Маня, которую она не захотѣла брать съ собой и попросила стариковъ приютить ее на время у себя.

Маня была очень милая дѣвочка, добренькая, но... ей было всего только 8 лѣтъ; ея бабушка, г-жа Курносова, очень любила ее, но... ей было уже 63 года. Поэтому обѣимъ имъ было скучно сидѣть другъ съ дружкой и молчать; маленькая дѣвочка затосковала, а тутъ еще начались дожди и Маня стала плакать и проситься къ матери. Несмотря на всю холодность своихъ отношеній съ жильцами, г-жа Курносова должна была подняться къ намъ наверхъ вмѣстѣ со своей дѣвочкой и попросить папу и маму, чтобы время отъ времени они разрѣшали ей приходить къ намъ и съ нами играть. И, дѣйствительно, Маня стала приходить къ намъ каждый день и оставалась у насъ уже до самаго вечера. Мы скоро сдружились съ ней и я взялъ ее подъ свое покровительство.

Недѣли три спустя, г-жа Курносова рѣшила дѣтей отблагодарить за то, что они играли все время съ ея Маней и пригласила ихъ къ себѣ внизъ на шоколадъ, сама же съ мужемъ, чтобы не слышать нашего шума и крика, уѣхала куда-то въ гости, поручивъ насъ своей горничной Федосьѣ.

— Вотъ хорошо! воскликнули всѣ дѣти въ одинъ голосъ. — Теперь намъ никто не будетъ мѣшать и мы не будемъ видѣть передъ собой эти надутыя рожи!

Тотчасъ-же, какъ господа Курносовы уѣхали со двора, дѣти всѣ четверо спустились къ Манѣ внизъ. Я послѣдовалъ за ними безъ приглашенія. Выпивъ наскоро шоколадъ, дѣти принялись бѣгать по всей квартирѣ такъ, точно за ними гналось цѣлое стадо разсвирѣпѣвшихъ быковъ. Федосья ходила за ними и жалобнымъ голосомъ умоляла ихъ:

— Будьте умники, дѣтки, не носите такъ! Вѣдь вы все перебьете и переломаете! Барыня обижаться будетъ! Вѣдь вы весь домъ перевернули вверхъ дномъ!..

Но они не обращали на нее никакого вниманія и продолжали носиться по комнатамъ. Уставъ играть въ перегонки, они принялись за „палочку-воровочку“ и наконецъ стали играть въ прятки. Сапѣ вышелъ жребій искать. Всѣ разсѣялись по разнымъ угламъ и попрятались, а онъ остался въ столовой и сталъ выжидать, когда кто-нибудь изъ спрятавшихся потеряетъ терпѣнiе и крикнетъ. Такъ онъ нашелъ всѣхъ своихъ брата и сестеръ, Маня же такъ хорошо спряталась, что онъ никакъ не могъ ее найти.

— Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, сказала Соня. — Она

знаетъ всѣ малѣйшіе уголки у себя въ квартирѣ и спряталась въ такой

Они долгое время искали ее, кричали ей, но все напрасно! Маня

Неотвязчивый гость.

изъ нихъ, что ее трудно будетъ точно канула въ воду. Они отодвинули всѣ столы, комоды, огля-

дѣли всѣ занавѣски и портьеры—
нигдѣ не было о ней ни слуху,
ни духу! Тогда они приуныли и
не знали, что имъ дѣлать...

— Ну, что, дѣти? спросила она.—
Хорошо ли вы повеселились?

И увидѣвъ вдругъ меня, она на-
хмурилась и проворчала:

Художница.

Какъ вдругъ дверь отворилась и
въ ней неожиданно появилась сама
г-жа Курносова.

— И эта гадость здѣсь? Про-
гнать ее сію же минуту! Чтобы и
духа ея здѣсь не было! Гдѣ Маня?

— Они играли въ прятки, робко отвѣтила Θεодосья, — и Манечка спрятались такъ далеко, что никто не можетъ ихъ до сихъ поръ отыскать. Вотъ уже полчаса, какъ всѣ мы ихъ ищемъ и не можемъ найти...

Старуха поблѣднѣла и всплеснула руками.

— Значитъ, случилось несчастіе! воскликнула она. — Развѣ можетъ быть, чтобы дитя не откликнулось такъ долго? Вѣроятно, она взбѣжала на балконъ и упала съ него прямо на тротуаръ...

— О, нѣтъ, сударыня, увѣряю васъ, отвѣтила Θεодосья. — Манечка и всѣ дѣти дальше прихожей не выбѣгали.

— Въ такомъ случаѣ ищите ее, ищите ее всѣ! закричала бабушка.

Дѣти бросились на поиски. Съ помощью старухи и Θεодосьи они обшарили все, малѣйшій уголокъ былъ ими обысканъ, но все оказалось бесполезнымъ. Маня точно провалилась сквозь полъ. Это всѣхъ ихъ испугало. Я не зналъ, но я чуялъ, гдѣ она находилась, и только помалкивалъ.

Какъ вдругъ Θεдя крикнулъ:

— Принцъ, ищи Маню! Гдѣ Маня? Ищи ее!

Я поднялся на ноги, понялъ въ чемъ дѣло, и тотчасъ-же принялся за поиски. Все время Θεдя бѣжалъ за мной и кричалъ мнѣ:

— Ищи! Ищи!

Мы обѣгали всю гостиную, кабинетъ, я нюхалъ воздухъ и дѣ-

лалъ видѣть, что понималъ, чего отъ меня хотѣли, затѣмъ я перебѣжалъ въ спальню, обнюхалъ чуланъ и всѣ дѣти толпой слѣдовали за мной изъ комнаты въ комнату. Какъ вдругъ я ясно почувялъ запахъ Маши, бросился къ громадному гардеробу и сталъ скрестись въ него лапами.

— Она здѣсь, здѣсь! закричалъ Саша, и, тоже подбѣжавъ къ гардеробу, съ силой распахнулъ въ немъ двери.

Мы увидали въ немъ платья и накидки г-жи Курносовой, но Мани въ немъ не было вовсе; по крайней мѣрѣ, дѣтямъ такъ показалось. Я же объ этомъ, думалъ совершенно иначе: я подскочилъ къ гардеробу, схватилъ прямо зубами свалившуюся съ вѣшалки шубу и потащилъ ее за полу вонъ. Подъ этой тяжелой шубой мы увидали что-то бѣлое и затѣмъ чей-то башмакъ. Это и была Маня. Θεодосья съ раздирающимъ душу крикомъ подскочила къ дѣвчкѣ и схватила ее на руки. Маня была безъ сознанія. Тяжесть шубы, которую она очевидно сорвала съ вѣшалки, когда пряталась въ гардеробъ, придавила ее, лишила ее воздуха, а тутъ еще сильно пахло нафталиномъ и камфорой, и она впала въ обморочное состояніе, и не проявляла ни малѣйшаго признака жизни. Тогда Θεдя сбѣгалъ наверхъ и притащилъ съ собою внизъ своего папу. Цѣлые четверть часа

онъ приводилъ затѣмъ Маню въ чувство, но все было напрасно. Дѣти всѣ плакали навзрыдъ, я жалобно скулилъ. Когда же, полчаса спустя, Маня стала приходить въ себя и открыла глаза, то всѣ мы вздохнули свободно. Затѣмъ послали за докторомъ. Онъ осмотрѣлъ Маню, уложилъ ее въ постель, прописалъ ей лекарство и ушелъ.

— Если бы прошло еще хоть пять лишнихъ минутъ, сказалъ онъ, — то ея уже не было бы теперь въ живыхъ.

— Слава Богу!.. говорила наша хозяйка и крестилась. — Слава Богу! Какъ бы я посмотрѣла ея матери въ глаза, если бы это случилось?..

Для всѣхъ было ясно, что если дѣвочка не умерла, такъ это только благодаря мнѣ и моему чутью. Я

ее напелъ и только благодаря мнѣ Маня не лежала теперь мертвая на столѣ.

— Я не люблю собакъ, сказала г-жа Курносова, — но вашъ Принцъ не такой, какъ всѣ.

А затѣмъ она перевела свой взоръ на папу и продолжала:

— Вы все еще хотите мѣнять квартиру? Хотите уѣхать отъ меня?

— А Принцъ? съ улыбкою отвѣтилъ папа. — Вѣдь вы не желаете, чтобы въ вашемъ домѣ были собаки!..

— Ну, это было, да прошло... сказала она. — Теперь же я предложу ему самое лучшее мѣсто во всемъ моемъ домѣ!

И, подойдя ко мнѣ, она стала меня ласкать.

И мы прожили потомъ у г-жи Курносовой цѣлыя девять лѣтъ.

Гіальмаръ.

УТРОМЪ.

О, какъ тепло, какое солнце,
Какъ пышны лугъ, поля, лѣса!..
Проснись-же, выгляни въ оконце,
Взгляни, какъ ясны небеса!

Но ты все спишь... Слипаютъ очи
Тебѣ твой дѣтскій, сладкій сонъ...
Неужто-жъ мало съ тебя ночи?
Вѣдь жизнь кипитъ со всѣхъ сторонъ!

Проснись-же, встань скорѣе, крошка,
И мчись играть скорѣе въ садъ,
Иль, распахнувъ свое окошко,
Вдыхай поглубже аромать!

Сверчокъ.

ЛѢТНЕЕ УТРО.

Какъ пышно за ночь распустились розы!
 Какой стоитъ повсюду ароматъ!
 Чуть солнышко взошло, а синія стрекозы
 Ужь рѣютъ надъ рѣкой и пчелы ужь летать.
 Блестятъ вездѣ алмазныя росинки,
 Ночной туманъ осѣлъ ужь надъ травой,
 Не дуетъ вѣтерокъ, но чуткія осинки
 Нѣтъ-нѣтъ и шевельнуть молоденькой листвою.
 Мычатъ вдали стада. Коровы и овечки
 Ужь побрели пастись до полдня на лужокъ,
 Проснулись рыбаки въ шалашикѣ у рѣчки
 И вышли съ неводомъ на влажный бережокъ...
 Запахло дымомъ: печки затопили,
 Отъ хлѣба свѣжаго понесся ароматъ...
 Вдругъ что-то хлопнуло: то дѣтки ужь открыли
 Окошко въ дѣтской и на дворъ глядятъ.
 — „Уже? Что рано такъ проснулись?
 „Бѣгите отъ окна! Ложитесь снова спать!“
 Они-жъ лукаво всѣ потомъ переглянулись
 И стали весело и звонко хохотать,
 И шумною толпой по лѣстницѣ, чрезъ спицы,
 Они бѣгутъ, кричатъ... Стучать ихъ каблуки...
 И, взявши второпяхъ одно лишь полотенце,
 Бѣгутъ всѣ вчетверомъ умыться изъ рѣки.

Кузнечикъ.

СОВА И АИСТЪ.

Арабская сказка.

Волшебникъ Кашпуръ былъ внѣ Лузѣ, но она ему отказала. Онъ себя отъ злости. Онъ хотѣлъ женить своего сына Мизру на прекрасной дочери индійскаго царя дада не согласились: они были

очень довольны своимъ калифомъ Хасидомъ и лучшаго правителя себѣ не желали.

— Хорошо-же! проворчалъ въ злобѣ сквозь зубы волшебникъ Кашпуръ.— Я все-таки добьюсь своего! Я заставлю Лузу выйти замужъ за моего сына и устраню съ дороги Хасида! Мой Мизра будетъ и халифомъ въ Багдадѣ и женатымъ на самой красивой дѣвушкѣ въ мірѣ!

И онъ сталъ придумывать, какъ бы извести Хасида и принудить къ замужеству Лузу.

— Прежде примемся за Лузу, рѣшилъ онъ,—а затѣмъ ужъ управимся и съ Хасидомъ!

И онъ подошелъ къ шкафчику, досталъ изъ него волшебный порошокъ и понюхалъ его.

— Мутаборъ! крикнулъ онъ заклинательное слово.— Хочу стать вѣрной служанкой Лузы!

И онъ тотчасъ-же превратился въ невольницу и оказался въ роскошныхъ садахъ Индійскаго царя. Тамъ, у фонтана, лежала прекрасная Луза и обмахивалась вѣеромъ. Вокругъ нея пѣли птицы и испускали свое благовоніе диковинные цвѣты. Завидѣвъ приближавшуюся къ ней невольницу, она подозвала ее къ себѣ.

— Фатима! сказала она.— Принеси мнѣ пить!

Волшебникъ Кашпуръ тотчасъ же налилъ ей волшебнаго зелья и поднесъ. Она приняла отъ него стаканъ и, не подозрѣвая ничего, выпила его до дна.

— Ну, такъ будь-же ты отвратительной совой! крикнула невольница.

И Луза тотчасъ-же превратилась въ сову. Отъ страха она ли-

шилась чувствъ, Кашпуръ схватилъ ее за крылья и, снова превратившись въ мужчину, сѣлъ на коня и поскакалъ съ нею за тридевять земель. Къ вечеру третьяго дня онъ привезъ ее къ какому-то старому, полуразвалившемуся дворцу, отворилъ въ немъ тяжелую, заржавленную дверь и бросилъ въ нее сову.

— Ну, такъ сиди-же въ этой тюрьмѣ, сказалъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока не согласишься выйти за моего сына замужъ! Здѣсь ты будешь оставаться, безобразная, презираемая даже звѣрьми, долгіе годы, пока не исполнишь моей воли, или пока кто-нибудь по своей волѣ не явится сюда къ тебѣ и не возьметъ тебя въ жены такую, какъ ты есть, безобразную сову! Такъ я отмщаю тебѣ и твоему гордому отцу.

И оставивъ бѣдную Лузу одну, онъ заперъ ее и умчался въ свои владѣнія. Здѣсь онъ подозвалъ къ себѣ своего слугу и приказалъ ему одѣться странствующимъ торговцемъ.

— Шакиръ, обратился онъ къ нему.— Сейчасъ ты долженъ въ точности исполнить все то, что я тебѣ прикажу. Возьми этотъ порошокъ, нагрузи осла разными товарами и отправляйся съ ними въ Багдадъ, прямо ко дворцу калифа Хасида. Постарайся продать ему во что-бы то ни стало этотъ волшебный порошокъ и при немъ вотъ эту рукопись. Ты понялъ меня? Сдѣлаешь-ли ты такъ, какъ я этого хочу?

Слуга палъ передъ нимъ ницъ.

— Такъ точно, великій повелитель! отвѣтилъ онъ.— Я сдѣлаю все такъ, какъ ты прикажешь!

И нагрузивъ осла товарами и взявъ съ собою рукопись и порошокъ, Шакиръ отправился съ ними въ Багдадъ.

Ничего не подозрѣвая, калифъ Багдадскій Хасидъ сидѣлъ въ это время у себя во дворцѣ на диванѣ и поджидаль, когда къ нему придетъ съ докладомъ его великій визирь Манзоръ. Какъ вдругъ внизу, во дворѣ, послышались крики какого-то неизвѣстнаго торговца, раздались голоса и застучали о мостовую десятки ногъ.

„Что-бы это могло быть?“ подумалъ Хасидъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ визирь Манзоръ и отвѣсилъ передъ своимъ повелителемъ низкій поклонъ.

— Что тамъ такое? спросилъ его Хасидъ. — Чего тамъ такъ сильно шумять?

Манзоръ скрестилъ на груди руки и отвѣтилъ;—

— Тамъ пріѣхаль какой-то неизвѣстный торговецъ Шакиръ и привезъ съ собою разные заморскіе товары. Не пожелаешь-ли ты, властитель, чего-нибудь у него купить? Хасидъ былъ еще молодъ и интересовался разными художественными бездѣлушками.

— Зови его сюда! сказалъ онъ. — Пусть онъ здѣсь развернетъ свои товары!

Въ комнату вошелъ маленькій, толстый человѣкъ, съ темно-бурымъ лицомъ. Это былъ Шакиръ. Онъ принесъ съ собою сундукъ, въ которомъ находились разные товары: жемчугъ, алмазы, гребни, кольца и браслеты. Хасидъ и Манзоръ осмотрѣли все это и выбрали себѣ осыпанные бирюзой пистолеты. Когда продавецъ уже

хотѣлъ-было уйти, то, незамѣтно для своихъ покупателей, онъ досталъ изъ-за пазухи красный ящичекъ и рукопись.

— А это что у тебя такое? обратился къ нему Хасидъ.

— Это выдвигной ящичекъ съ какимъ-то порошкомъ, отвѣтилъ ему съ поклономъ Шакиръ,—и какая-то старинная рукопись. Мнѣ подарилъ ихъ неизвѣстный купецъ, съ которымъ я ночеваль въ Мединѣ. Я не знаю, что означаютъ обѣ эти вещи, и могъ-бы вамъ ихъ даже подарить....

Калифъ Хасидъ, который любилъ скупать старинныя рукописи и хранилъ ихъ у себя въ библиотекѣ, тотчасъ-же ухватился и за эту, купилъ ее и получилъ въ придачу къ ней и ящичекъ съ порошкомъ. Шакиръ тотчасъ-же уѣхаль.

— Интересно было-бы знать, отратился къ Манзору Хасидъ,— что написано на этой рукописи?

— А ты прикажи, повелитель, отвѣчалъ Манзоръ,—привести къ себѣ стараго Селима! Онъ ученый и все разберетъ! Онъ понимаетъ всѣ языки. Вели ему придти! Онъ живетъ у старой мечети и не замедлитъ къ тебѣ явиться.

Хасидъ послалъ за Селимомъ и скоро мудрецъ явился предъ ясныя очи своего властелина.

— Прочти эту рукопись! обратился къ нему Хасидъ.

Селимъ поклонился, надѣлъ очки и принялъ отъ него рукопись.

— Да свершится твоя воля, о, повелитель! отвѣтилъ онъ.—Я дѣйствительно могу прочесть то, что здѣсь написано. Слушай-же, что я буду читать!

И онъ сталъ читать слѣдующее:

„Человѣкъ, кто бы ты ни былъ славы Бога за его милость! Кто понюхаетъ изъ этого порошка въ этой коробкѣ и при этомъ произнесетъ слово „Мутаборъ“, тотъ можетъ превратиться въ любое животное или птицу и сумѣетъ понимать ихъ языкъ. Если-же онъ захочетъ снова сдѣлаться человѣкомъ, то пусть три раза поклонится на востокъ и произнесетъ то же слово. Но пусть онъ остерегается смѣяться послѣ того какъ превращенъ въ звѣря или въ птицу, иначе совершенно забудетъ это волшебное слово и уже навсегда останется животнымъ“.

Хасидъ приказалъ Селиму поклоняться, что тотъ никому не расскажетъ объ этой тайнѣ, одарилъ его и отпустилъ его во свояси.

— А это, знаешь, интересно! обратился онъ къ визирю Манзору.—Я очень радъ, что теперь сумѣю превратиться и въ птицу и въ звѣря и понимать то, о чемъ они будутъ говорить! Приходи завтра утромъ ко мнѣ пораньше, и мы попробуемъ! Мы выйдемъ незамѣтно въ поле, понюхаемъ этого порошка и начнемъ съ тобою подслушивать то, о чемъ будутъ пѣть, кричать, чирикать и выть въ воздухъ, въ лѣсу и въ оврагахъ!

На другое же утро едва только калифъ успѣлъ позавтракать, къ нему явился его вѣрный Манзоръ.

— Я готовъ, повелитель, сказалъ онъ.

Хасидъ отпустилъ свою свиту и только вдвоемъ съ визиремъ отправился на прогулку. Они вышли незамѣтно черезъ дворцовые сады въ городъ, прошли черезъ него и скоро оказались въ полѣ.

Но здѣсь было пустынно и кромѣ перепеловъ, кричавшихъ въ пшеницѣ, не было замѣтно ни одного живого существа.

— Здѣсь недалеко есть болото, предложилъ Манзоръ.— Пойдемъ, повелитель, къ нему!

Скоро они были уже около болота. Здѣсь плавали дикіе гуси и утки, кричали лягушки и съ важнымъ видомъ бродили аисты. Одинъ изъ аистовъ серьезно расхаживалъ взадъ и впередъ и время отъ времени что то курлыкалъ. Затѣмъ къ нему прилетѣлъ другой аистъ и сталъ ему по своему о чемъ-то съ жаромъ рассказывать еще издали.

— Держу пари, сказалъ Манзоръ,—что эти два длинноногіе господина ведутъ сейчасъ другъ съ другомъ преинтересный разговоръ! Не превратиться-ли въ аистовъ и намъ?

— Отлично! воскликнулъ въ восторгъ Хасидъ и тотчасъ же досталъ свой порошокъ.

Они поклонились три раза на востокъ и понюхали по щепоткѣ.

— Мутаборъ! сказалъ Хасидъ.

— Мутаборъ! повторилъ вслѣдъ за нимъ и Манзоръ.

И оба тотчасъ-же превратились въ аистовъ.

Между тѣмъ прилетѣвшій второй аистъ сталъ чистить клювомъ себѣ ноги и поправлять на себѣ перья.

— Здравствуй, долгоножка! обратился онъ къ первому аисту.— Какъ поживаешь?

— Да ничего себѣ! отвѣтилъ второй.— Не желаешь-ли кусочекъ лягушки? Вкусная! Вотъ остались заднія лапки! Скушай, если хочешь!

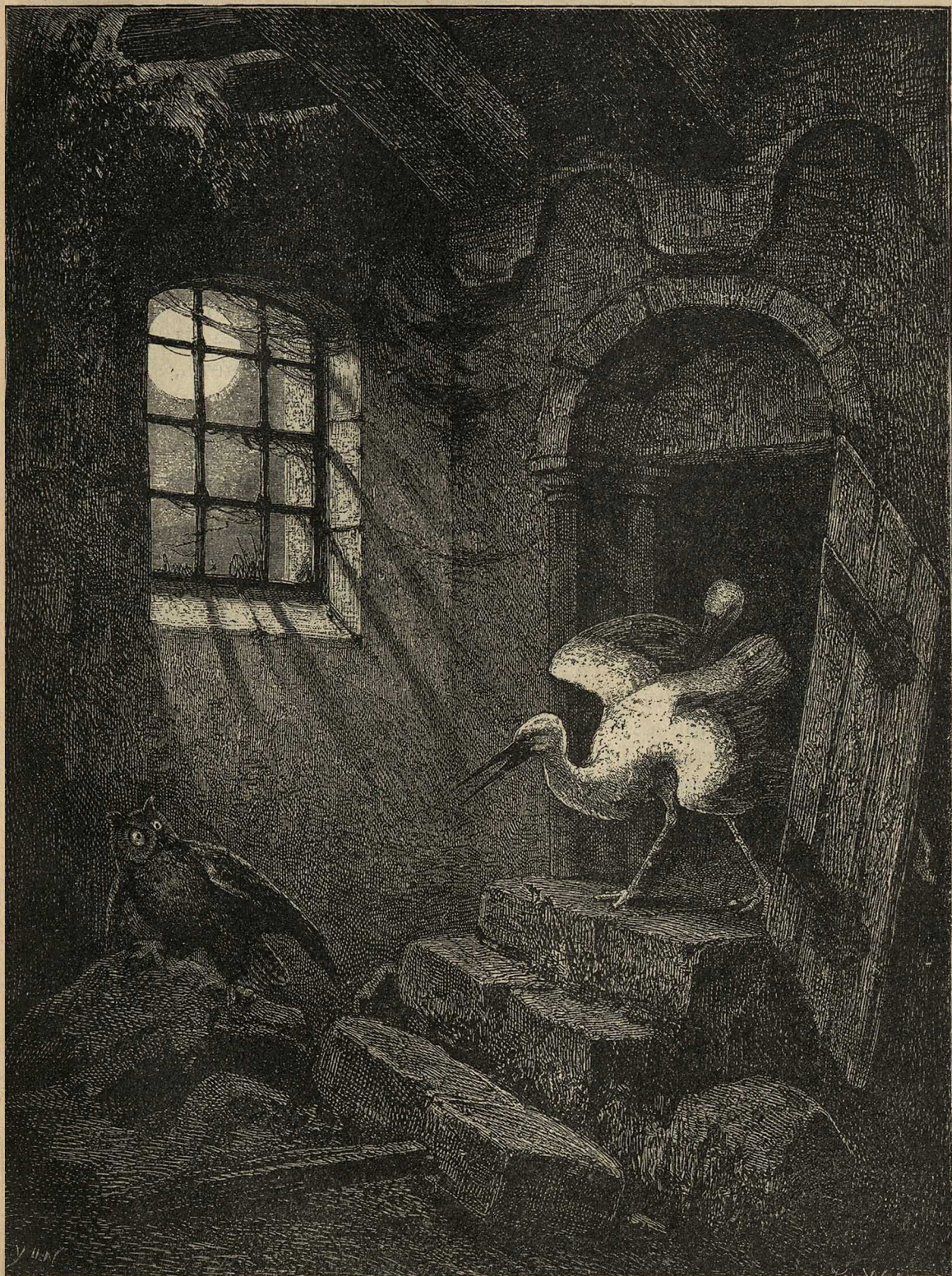
— Нѣтъ, спасибо! Я сыта! Я

... Скоро они были уже около болота. (Къ сказкѣ «Сова и Амистъ»).

— Кто ты? спросилъ ее Аистъ. (Къ сказкѣ «Сова и Аистъ»).

прилетѣла сюда не для ѣды, а для чего-то другого!

— Для чего же именно?

— Да вот сегодня у сосѣднихъ аистовъ будетъ на болотѣ балъ и я должна буду тамъ танцовать. Прилетѣла сюда поучиться!

И она стала шагать по берегу, дѣлая странныя, смѣшныя движенія, которыя должны были по ея мнѣнію походить на танцы.

Движенія эти были такъ смѣшны, что Хасидъ и Манзоръ, подслушивавшіе этотъ разговоръ, не выдержали и засмѣялись.

— Вотъ такъ штука! воскликнулъ со смѣхомъ Халифъ.—Воображаю, какъ будетъ интересно на томъ балу! Не полетѣть туда и намъ съ тобой?

Аисты услышали его смѣхъ, испугались и улетѣли.

— Ну, а теперь пора намъ и домой! сказала Хасидъ.—Мы должны поклониться сейчасъ три раза на востокъ и произнести слово....

Но тутъ онъ сталъ въ тупикъ и испугался. Магическое слово вылетѣло у него изъ головы. Позабылъ его и визирь Манзоръ. Оба они смѣялись, а смѣяться было нельзя, и теперь они не знали, что дѣлать. Они кланялись на востокъ, молились, просили, умоляли, но не помогло ничто: они такъ и остались навѣки аистами.

Печально бродили они заколдованные по полямъ и не знали, какъ помочь своей бѣдѣ. Изъ своей кожи аистовъ они не могли вылѣзти, возвратиться обратно въ городъ тоже не могли, да и кто сталъ-бы тамъ вѣрить аистамъ,— что одинъ изъ нихъ калифъ, а другой—его великій визирь? Такъ бродили они по полю много дней,

скудно питаясь полевыми плодами и ловя насѣкомыхъ. Ихъ единственнымъ удовольствіемъ въ этомъ печальномъ положеніи было то, что они умѣли летать, и они часто прилетали въ родной городъ Багдадъ, садились тамъ на крыши домовъ и прислушивались къ тому, что тамъ происходило. Въ первые дни они видѣли тамъ большое безпокойство и трауръ. Раздавались крики:—„Исчезъ нашъ калифъ! Кто знаетъ, гдѣ нашъ добрый калифъ-Хасидъ и его визирь Манзоръ?“ А затѣмъ черезъ весь городъ протянулась блестящая процессія и во дворецъ, въ блестящемъ шитомъ золотомъ, костюмѣ ввѣхалъ новый калифъ и сталъ править Багдадомъ. Это былъ Мизра, сынъ волшебника Кашпура. Теперь волшебникъ былъ доволенъ, что добился своего, приказывалъ народу кричать „Да здравствуетъ Мизра, калифъ Багдадскій!“, хотя втайнѣ и былъ недоволенъ тѣмъ, что Луза все еще не хотѣла быть женой его сына и предпочитала оставаться совой и сидѣть въ темницѣ.

— Но я еще не теряю надежды! сказала съ грустью Хасидъ Манзору.—Слетаемъ въ Мекку, поклонимся тамъ гробу пророка Магомета и авось тамъ слетятъ съ насъ чары Кашпура!

— Но почему ты думаешь, повелитель, что это сдѣлалъ съ нами именно Кашпуръ? возразилъ великій визирь.

— А чѣмъ-же ты объяснишь себѣ то, что на мой престолъ возшелъ именно Мизра, его единственный сынъ?

— Да, это правда!.. вздохнулъ Манзоръ.

И оба захлопали крыльями, снялись съ мѣста и полетѣли къ священному городу Меккѣ.

Долго они летѣли и наконецъ очень устали. Полетъ имъ плохо удавался, такъ какъ оба они еще мало имѣли практики, и къ вечеру третьяго дня они настолько утомились, что должны были спуститься на землю.

— Я усталъ, повелитель! сказалъ Манзоръ. — Не поискать-ли намъ гдѣ-нибудь на ночь пріюта?

Они замѣтили внизу въ долинѣ развалины стариннаго дворца и полетѣли къ нимъ. Изъ-подъ развалинъ выступали красивыя колонны и уцѣлѣлъ еще цѣлый корпусъ, въ которомъ со всей обстановкой сохранились величественныя комнаты и длинные корридоры.

— Остановимся здѣсь! сказалъ Хасидъ.

Они спустились и, прежде чѣмъ устроиться на ночлегъ, стали рѣшительно по одному изъ корридоровъ. Когда они проходили тамъ мимо одной изъ дверей, то изъ-за нея вдругъ послышался чей-то горькій плачь. — Хасидъ вздрогнулъ.

— Ты слышишь? обратился онъ къ Манзору. — Тамъ кто-то плачетъ!

— Да, отвѣтилъ Манзоръ. — Кто-то вздыхаетъ и стонетъ! Это навѣрное привидѣніе!

Хасидъ хотѣлъ было отворить крыломъ дверь и войти въ нее, но Манзоръ остановилъ его клювомъ.

— Подожди, повелитель! воскликнулъ онъ. — тамъ можетъ быть привидѣніе!

Но калифъ вырвался отъ него, отворилъ дверь и въ изумленіи остановился на порогѣ. Въ полуразвалившейся комнатѣ, скудно

освѣщаемой луной черезъ рѣшетчатое окошко, онъ увидѣлъ безобразную, большую сову. Крупныя капли слезъ катились у нея изъ глазъ и она мигала ими и стонала. Когда-же она увидала передъ собой двухъ аистовъ, то вдругъ издала громкій радостный крикъ и замахала крыльями.

— Идите, идите сюда скорѣй! воскликнула она на человѣческомъ языкѣ. — Добро пожаловать.

Опомнившись отъ своего удивленія, калифъ поклонился ей и подошелъ къ ней поближе.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Я—Луза, дочь индійскаго царя! отвѣчала она.

— Какъ же ты попала сюда? Кто превратилъ тебя въ сову?

— Волшебникъ Капшуръ, онъ хотѣлъ, чтобы я вышла замужъ за его сына Мизру, но я отказалась, и онъ сдѣлалъ меня совою и принесъ меня сюда.

— Значить, онъ бываетъ и здѣсь?

— Да, онъ часто прилетаетъ сюда со своимъ друзьями и пируетъ здѣсь съ ними въ одной изъ залъ. Я часто слышу отсюда ихъ голоса.

Калифъ и Манзоръ подошли къ ней еще поближе. Она снова стала плакать.

— Успокойся, сказалъ ей Хасидъ. — Мы съ тобой собратья по несчастью. Но не теряй надежды! Мы поможемъ тебѣ выбраться отсюда!

И онъ рассказалъ ей всю свою исторію. Она внимательно выслушала его и въ свою очередь рассказала ему то, что мы уже знаемъ про нее изъ начала этого разсказа.

— Одинокая и печальная, закончила она свою исторію, я живу отшельницей въ этихъ развалинахъ, весь Божій міръ гнушается меня, вся природа закрыта для меня, я вижу только по ночамъ и довольствуюсь только тѣмъ, что освѣщаетъ для меня эта кроткая луна. О, государь, между нашимъ несчастьемъ какая-то тайная связь! Я хотѣла-бы добыть для васъ это забытое вами слово и могла бы его добыть, если-бы снова сдѣлалась человѣкомъ! Я подкралась-бы тогда къ той залѣ, въ которой будетъ пировать со своими друзьями волшебникъ Кашпуръ и подслушала-бы, какъ онъ будетъ произносить это слово.

— Но какъ-же ты могла-бы снова превратиться въ человѣка? спросилъ ее Хасидъ.

— Для этого нужно, отвѣтила она, чтобы кто-нибудь сейчасъ-же, въ такомъ видѣ, какова я теперь, взялъ меня за себя замужъ.

Калифъ подумалъ.

— Но вѣдь я—аистъ, а не человѣкъ, сказалъ онъ.— Впрочемъ, и ты вѣдь тоже птица. Но что-же такого? Я предлагаю тебѣ быть моей женой!

И вдругъ совершилось чудо. Передъ изумленными взорами Хасида и Манзора предстала дѣвушка изумительной красоты. Въ эту-же самую минуту и въ одной изъ отдаленныхъ залъ послышались голоса.

— Они здѣсь!.. проговорила она шопотомъ.— Они сейчасъ прилетѣли сюда и будутъ пировать. Я уже слышу голосъ волшебника Кашпура!

Оба аиста вздрогнули и стали прислушиваться.

— Но нечего терять времени, продолжала она,—пойдемте! Иначе будетъ уже поздно.

Всѣ трое вышли въ корридоръ и принцесса Луза повела аистовъ къ той отдаленной залѣ, откуда слышались голоса; они долго ходили по темному дворцу и наконецъ далеко впереди, сквозь полуразвалившуюся стѣну, имъ блеснулъ яркій огонь. Когда они подошли къ отверстію, то Луза спрятала аистовъ въ тѣни, но такъ, чтобы они могли свободно видѣть все, что происходитъ въ залѣ.

— Не волнуйтесь! сказала она имъ.— Все обойдется благополучно.

Аисты увидѣли передъ собою огромную залу, украшенную колоннами и великолѣпно обставленную. Масса разноцвѣтныхъ лампъ висѣла по стѣнамъ и подъ потолкомъ и замѣняла солнечный свѣтъ. Посреди залы стоялъ круглый столъ, и за нимъ пирило восемь мужчинъ. Около стола стоялъ человѣкъ, въ которомъ аисты узнали торговца Шакира; въ другомъ— сидѣвшемъ во главѣ стола—самого волшебника Кашпура.

— Ну, Шакиръ, обратился Кашпуръ къ своему слугѣ,—расскажика этимъ моимъ гостямъ, какъ ты продалъ калифу Хасиду мой волшебный порошокъ.

Шакиръ рассказалъ и всѣ гости весело засмѣялись.

— А какое-же волшебное слово ты задалъ ему? обратился къ Кашпуру одинъ изъ гостей.

— О, самое простое, отвѣтилъ волшебникъ.— Но, навѣрное, Хасидъ позабылъ его! Это слово — „Мутаборъ“.

Аисты стояли у своего отверстія въ стѣнѣ и были внѣ себя отъ

радости, когда услышали это слово. Они едва имѣли силъ добѣжать до выхода изъ развалинъ, такъ что принцесса Луза едва могла за ними поспѣть. Теперь они были спасены! Когда-же они вышли совсѣмъ изъ дворца, то Калифъ Хасидъ и Манзоръ поклонились три раза на востокъ и сказали оба разомъ:—

— Мутаборъ!

И вдругъ тотчасъ-же превратились въ людей.

Полный безграничной благодарности, Хасидъ взялъ принцессу за руку и со слезами на глазахъ сказалъ:—

— Спасительница моей жизни и жизни моего друга! Въ вѣчную благодарность за то, что ты сдѣлала для насъ, возьми меня и дѣлай со мною, что хочешь!

И онъ опустился передъ ней на одно колѣно. Но она подняла его и поцѣловала въ лобъ.

— Вставай, мой супругъ! отвѣтила она.— Намъ еще много дѣла предстоитъ впереди.

И всѣ втроемъ они отправились въ Багдадъ. Когда они прибыли туда, то тамъ всѣ были очень пріятно удивлены. Калифа и Хасида уже давно объявили тамъ умершимъ и поэтому весь народъ былъ очень обрадованъ, когда снова увидалъ своего повелителя.

Тѣмъ сильнѣе вспыхнула ненависть багдадцевъ къ ихъ новому обманщику—калифу Мизрѣ. Они ворвались во дворецъ, арестовали его и его возвратившагося съ пиршества отца Кашпура и передали ихъ обоихъ во власть Хасида. Хасидъ предложилъ имъ обоимъ на выборъ: или смерть, или-же понюхать изъ коробки волшебнаго порошка. Конечно, они предпочли послѣднее. Тогда великій визирь протянулъ къ нимъ коробку, а самъ Хасидъ произнесъ магическое слово „Мутаборъ“—и оба они тотчасъ-же превратились въ аистовъ. Калифъ велѣлъ посадить ихъ въ клѣтку и поставить въ своемъ саду.

Долго и весело прожилъ Хасидъ со своей супругой Лузой. Но самыми лучшими часами его жизни всегда были тѣ, когда великій визирь Манзоръ посѣщалъ его послѣ обѣда. Тогда они часто вспоминали о своемъ приключеніи, весело смѣялись, и всякій разъ Калифъ благословлялъ ту минуту, когда встрѣтился впервые со своей женой.

— Всегда счастье пріобрѣтается черезъ страданія! любилъ онъ говорить при этомъ.—Кто не страдалъ, тотъ никогда вполне не пойметъ, что такое настоящее, истинное счастье!

по В. Гауффу.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

(Окончаніе).

Промелькнулъ быстро Іюль, наступилъ Августъ и въ воздухѣ сталъ замѣчаться конецъ лѣта. Какъ-то рѣзче началъ обозначаться горизонтъ, вечера стали холоднѣе, чаще дулъ вѣтеръ и не разъ и не два садовникъ Лука мелъ дорожки парка, уже обсыпанныя желтымъ листомъ.

Какъ ни хорошо было мнѣ у тети-Оли, но разлука съ папой и мамой начинала уже давать себя чувствовать, мнѣ хотѣлось ихъ видѣть и, всякій разъ какъ, къ намъ пріѣзжалъ земскій почтарь, мы гурьбою высыпали къ нему на встрѣчу и я спрашивала его, нѣтъ-ли письма и для меня? Я писала къ папѣ и мамѣ два раза въ недѣлю, столько же разъ отвѣчали мнѣ и они и всякій разъ, когда тетя читала намъ вслухъ ихъ письма, я невольно часто мигала глазами, а няня глубоко вздыхала и часто сморкалась. У меня не разъ являлось непреодолимое желаніе видѣть папу и маму и, будь они здѣсь, въ усадьбѣ у тети-Оли, я бы лучшаго ничего и не желала. Я часто видѣла ихъ во снѣ, и даже единъ разъ вскочила сонная среди ночи и громко стала звать къ себѣ маму. Всѣ пробудились, вошла няня, и когда мнѣ сказали, что папа и мама далеко въ городѣ, то я стала громко плакать. Вѣроятно я, увидала нехорошій сонъ, потому что вся дрожала и повторяла:—

— Я хочу къ мамѣ! Позовите ко мнѣ маму!

Около двадцатаго августа къ намъ пріѣхалъ самъ батюшка отецъ Варсонофій и взялъ отъ насъ нашего милаго Андрюшу. Андрюша гостилъ у насъ уже давно, мы привыкли къ нему и теперь жаль было съ нимъ разставаться и, быть можетъ, на всегда.

— Батюшка, осмѣлилась я, и стала просить отца Варсонофія,— оставьте Андрюшу у насъ! Намъ будетъ скучно безъ него!

Батюшка сдѣлалъ испуганное лицо и всплеснулъ руками.

— Да какъ-же это можно! воскликнулъ онъ.—А учиться? Вѣдь онъ и такъ уже нѣсколько дней пропустилъ!

И для насъ было странно, что этотъ самый Андрюша, для котораго не существовало здѣсь никакого сдерживающаго начала, который дѣлалъ здѣсь все, что хотѣлъ,—и вдругъ будетъ скромненько сидѣть у себя въ классѣ и учить латинскую грамматику.

— Тетя, стали мы просить тетю Олю,—не отпускайте Андрюшу! Пусть онъ поживетъ съ нами еще! Мы такъ къ нему привыкли!

Но тетя посмотрѣла на насъ такъ серьезно, какъ не смотрѣла еще ни разу.

— А учиться? сказала она.— Развѣ можно безъ ученья?

Собрали Андрюшу въ дорогу. Онъ тоже былъ печалень, но ста-

рался балагурить и дѣлать прожи. Мы смѣялись, но у всѣхъ насъ на душѣ былъ какой-то осадокъ, было какъ-то грустно отъ того, что лѣто уже кончилось и что теперь нужно было начать заниматься дѣломъ.

И какъ невозможно было теперь остановить наступающихъ осени и зимы, такъ невозможно было вернуть назадъ тѣ счастливые дни, которые мы прожили всѣ четверо у тети. Оставалось двигаться впередъ, дѣлать то, что дѣлали другіе, учиться, помогать, жить и покорно ждать, когда настанутъ новыя весна и лѣто и когда мы, уже болѣе взрослые и болѣе умные, чѣмъ теперь, снова возвратимся въ усадьбу къ милой тетѣ и, быть можетъ, опять увидимся съ нашимъ милымъ Андрюшей. Но будетъ-ли онъ тогда такимъ-же, какъ теперь? Не измѣнится ли онъ тогда?

И мы гурьбой вышли провожать его въ дорогу.

— Прощай, Андрюша! Пиши намъ! крикнули мы ему, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ сидѣлъ уже на тарантасикѣ и грустно кивалъ намъ головой.— Не забывай насъ!

— Пишите и вы! отвѣтилъ за него о. Варсонофій.— Ему пріятно будетъ получать отъ васъ письма въ училищѣ! Тамъ онъ будетъ одинъ! Трогай, Никита.

Никита дернулъ за вожжи, но батюшка вдругъ о чемъ-то вспомнилъ и остановилъ его.

— Позабылъ... сказалъ онъ и слѣзъ съ тарантаса.— Дѣточки, подойдите ко мнѣ!

Мы всѣ четверо къ нему подошли.

— Забылъ васъ благословить...

продолжалъ онъ.— Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа!

И онъ каждого изъ насъ осѣнилъ крестомъ и потрогалъ по головѣ.

— Учитесь лучше! сказалъ онъ.— Помните непрестанно, что кто не идетъ впереди, тотъ всегда остается позади. Подумайте только о томъ, что сейчасъ во всемъ мірѣ дѣти идутъ въ школу, чтобы работать и научиться жить! Они сейчасъ идутъ по улицамъ и переулкамъ всѣхъ городовъ, по полямъ, отдѣляющимъ одну деревню отъ другой, по холмамъ, долинамъ, и по тропинкамъ горъ, то въ одиночку, а то цѣлыми компаніями, и всѣ они идутъ съ сознаниемъ долга и съ твердой рѣшимостью довести свое ученіе до конца... Вообразите себѣ сейчасъ весь міръ: всюду идутъ школьники въ школу, съ книжками въ рукахъ, въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ и говоря на самыхъ разнообразныхъ языкахъ; они идутъ и на самомъ дальнемъ сѣверѣ Россіи, и въ горячей Индіи, и на югѣ Африки, и въ Китаѣ и всѣ эти миллиарды дѣтей идутъ учиться одному и тому-же? Чему-же именно? Тому, чтобы стать людьми и поменьше походить на звѣря.

Батюшка поднялъ палецъ къверху и мечтательно покачалъ головой.

— Мужества! Мужества побольше, дѣточки, воскликнулъ онъ.— Не робѣйте! Не бойтесь ученія и труда! Работайте изъ всѣхъ силъ и да благословитъ васъ Господь! Помните, что васъ теперь на свѣтѣ неисчислимое число и что сильнѣе васъ нѣтъ ни одного войска въ мірѣ, ибо ваше оружіе не штыкъ и не пушка, а книга, ваше поле

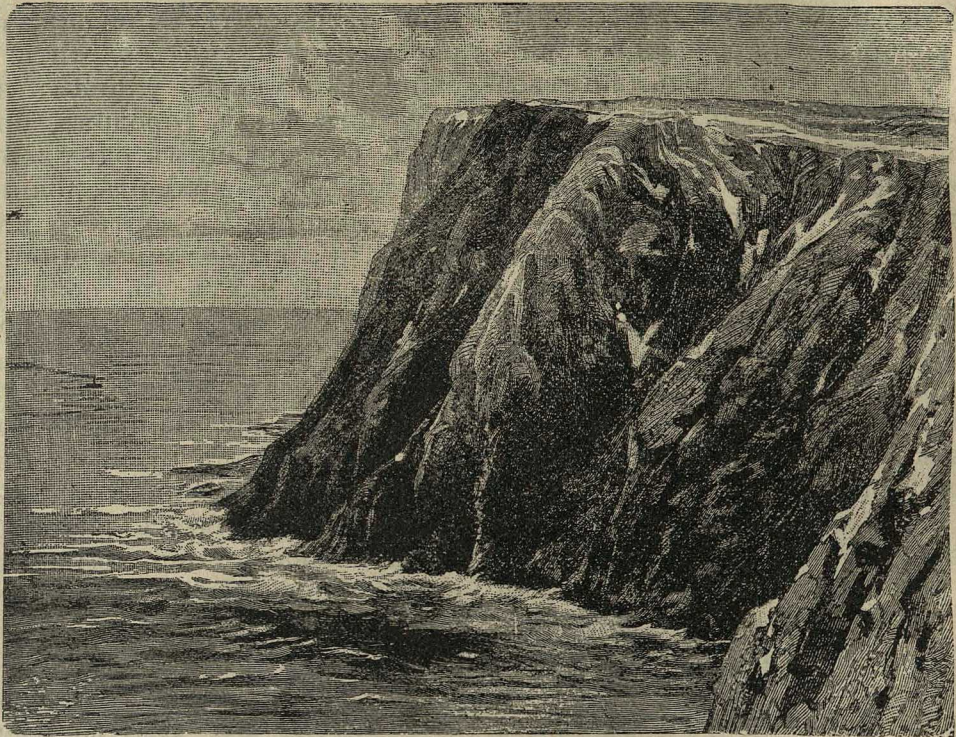

битвы—весь міръ и ваша побѣда—
просвѣщеніе человѣчества! Аминь!

Батюшка еще разъ простился
съ нами, сѣлъ на тарантасикъ, Ни-
кита дернулъ вожжами и мы долго
еще стояли и глядѣли имъ вслѣдъ.
Густое облако пыли скрыло на-
конецъ ихъ отъ насъ, а мы все еще

стыннымъ и скучнымъ, точно онъ
одинъ занималъ весь домъ или на-
полнялъ собою весь паркъ. Каж-
дый шагъ, каждый стволъ и пенекъ
намъ напоминали о немъ и на
душѣ стояло такое чувство, будто
мы лишились его навсегда.

— Скучно!.. вдругъ сказалъ Ко-

Мысь Нордкапъ, на самомъ Сѣверѣ Европы.

стояли и не знали, съ чего начать.
Слова батюшки произвели на меня
и на Колю глубокое впечатлѣніе
и мнѣ тоже вдругъ захотѣлось
примкнуть къ этой несмѣтной ар-
міи учениковъ и начать учиться
и работать. Мнѣ шель уже деся-
тый годъ.

Всѣ четверо, молча, мы прошли
черезъ всѣ комнаты въ паркъ. Безъ
Андрюши намъ показалась все пу-

ля.—Заняться чѣмъ-нибудь, что-
ли!..

Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ
занялась бы какимъ-нибудь дѣломъ
и я!

— Знаешь что, Коля? сказала
я.—Давай просить моего папу и
тетю-Олю, чтобы они отдали насъ
учиться!

У Коли отъ удовольствія забле-
стѣли глаза.

— Давай, отвѣтилъ онъ. — Я попрошу, чтобы меня отдали въ гимназію.

На слѣдующій день началась молотьба. Какой-то нѣмецъ съ краснымъ лицомъ привезъ къ тетѣ паровую молотилку, установилъ ее и съ раннего утра мы уже слышали ее гудѣнье. Всѣ женщины и мужчины въ усадьбѣ, въ томъ числѣ даже и кучеръ и

я ничего не дѣлаю и даромъ только ѣмъ хлѣбъ!.. Боже мой, Боже мой!.. Давно-ли, давно-ли я тоже ходила на работы, а вотъ сейчасъ не дѣлаю ничего!..

И она горько плакала, что не могла работать.

За отсутствіемъ людей и наша няня тоже участвовала въ молотьбѣ, хотя то и дѣло вздыхала и говорила:

Полевые цвѣточки.

садовникъ были поставлены на работу, тетя съ утра до вечера стала распорядиться на молотьбѣ, Игнатьевна въ бѣлой коленкоровой кофточкѣ и въ платочкѣ, съ граблями въ рукахъ, суетилась около соломы, которую дѣвушки складывали въ стогъ. Всѣ принялись за работу, одна только старенькая Пелагея Арсеньевна сидѣла попрежнему на лавочкѣ въ паркѣ, трясла головой и стонала:

— Всѣ работаютъ!.. говорила она. — Всѣ трудятся, одна только

— Ахъ, батюшки, зажила я здѣсь!.. Какъ-то у меня тамъ на хуторѣ! Все-ли дома благополучно?.. Давно-бы уже пора домой, да какъ бросить здѣсь Вѣрочку одну?

Предоставленные самимъ себѣ, не занятые никакимъ дѣломъ, мы, дѣти, бродили изъ угла въ уголь, какъ сонныя мухи, и дни тянулись для насъ, какъ цѣлые года.

— Игнатьевна, обратилась я однажды къ экономкѣ, когда она прибѣжала съ молотьбы на одну минуту зачѣмъ-то въ домъ. —

Останьтесь съ нами! Разскажите намъ что-нибудь! Намъ скучно! Довольно уже вамъ работать!

Она съ жалостью поглядѣла на меня и потрепала меня по щекѣ.

— И-и, милая! сказала она.— Теперь уже нашему гуляню пришелъ конецъ! Лѣто прошло, теперь только трудись да трудись! Сейчасъ вотъ молотьба! А кончится молотьба—тамъ надо будетъ дѣлать запасы на зиму: копать картошку, солить огурцы, рубить капусту—мало-ли еще чего? Теперь некогда будетъ вздохнуть!

Она поцѣловала меня въ лобъ и такъ-же быстро, какъ и пришла, опять ушла на молотьбу.

Безъ Андрюши и безъ дѣла какъ-то сразу все потеряло для насъ интересъ. А когда затѣмъ начались дожди, задулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ и насъ по цѣлымъ днямъ не выпускали на дворъ; то меня неумолимо потянуло вдругъ въ городъ, къ моему шкафчику, въ которомъ были сложены мои любимыя игрушки и ждали моего возвращенія. Мнѣ захотѣлось вдругъ рисовать, красить красками, вырѣзать картинки, захотѣлось прочесть свои книги, перелистать мой дѣтскій журналъ и начать шить что-нибудь теплое для своей краснощекой куклы. Коля тоже какъ-то странно сталъ рыться въ своихъ вещахъ, сталъ отыскивать какой-то карандашъ, и по выраженію его глазъ я могла догадаться, что ему также захотѣлось вдругъ заняться дѣломъ, какъ и мнѣ.

Труда! Труда!

Насталъ затѣмъ конецъ Августа, дождливый и холодный. По цѣлымъ днямъ моросилъ дождь, на

дворѣ стояла слякоть и когда передъ заходомъ грустнаго солнца на нѣсколько минутъ прояснивало, и галки полчищами начинали носиться надъ полями и усадьбой, то становилось такъ грустно, что хотѣлось плакать и тянуло къ папѣ и мамѣ въ городъ. На гумнѣ по-прежнему съ утра до вечера гудѣла молотилка, въ саду сильно порѣдѣли деревья и всѣ дорожки уже сплошь были осыпаны опавшими листьями. Теперь ужъ Лука не приходилъ больше съ метлой и не сметалъ ихъ въ кучу.

— Зачѣмъ? говорилъ онъ намъ.— Все равно лѣту конецъ!

Какъ-то взявъ Фросю за руку, я вышла съ ней въ поле, гдѣ копали женщины картошку, роясь въ грязныхъ бороздахъ прямо руками. Двѣ дѣвушки работали сбоку на яровомъ клину: одна привозила навозъ и раскидывала его, а другая запахивала его въ землю. Вечерѣло и у обѣихъ были уставшія лица. Этыхъ двухъ дѣвушекъ я видѣла работавшими и вчера и третьяго дня, работали онѣ и мѣсяцъ тому назадъ и вѣроятно будутъ работать такъ и до конца своихъ дней—и я относилась къ этому такъ-же, какъ и къ тому, что деревья зелены, снѣгъ бѣлъ... Мнѣ стало вдругъ стыдно своего бездѣлья и захотѣлось вдругъ сказать этимъ двумъ дѣвушкамъ что-нибудь теплое, ласковое, что-нибудь такое, что расположило-бы ихъ ко мнѣ. Но у меня не вышло ничего, и я побрела съ Фросей домой.

Когда мы подходили къ усадьбѣ, послышался вдругъ рожокъ. Это приѣхалъ земскій почтарь. Что, если онъ привезъ мнѣ письмо изъ го-

рода? Мы бросились бѣжать со всѣхъ ногъ и, запыхавшись, вбѣжали въ столовую.

Были уже сумерки, горѣла лампа, и на столѣ шумѣлъ самоваръ. За столомъ сидѣла тетя-Оля и распечатывала одно письмо за другимъ. Мы всѣ четверо обступили ее со всѣхъ сторонъ и по обычаю ожидали съ нетерпѣніемъ, когда она прочтетъ про моихъ отца и мать. Тутъ-же стояла и Игнатъевна, усталая, похудѣвшая, и тоже, повидимому, ожидала какихъ-то вѣстей.

— Ну, что, есть что-нибудь изъ города? спросила она наконецъ.

Тетя-Оля распечатала послѣднее письмо.

— Ну, Вѣрочка! сказала она наконецъ.—Собирайся въ дорогу! Папа и мама требуютъ тебя къ себѣ въ городъ!

Я взвизгнула отъ радости, захопала въ ладоши, а Коля нахмурился и не сумѣлъ скрыть своего волненія. Тетя притянула меня и его къ себѣ и обняла насъ за плечи.

— Ахъ, вы мои гимназистики! сказала она.—Воображаю тебя, Вѣрочка, въ форменномъ платьѣ, а тебя, Коля, въ гимназическихъ фуражкѣ и пальто!

— Почему гимназистики? воскликнула я.—Почему въ форменномъ платьѣ и въ гимназическомъ пальто?

— Папа пишетъ отвѣтила тетя,— что тотчасъ же по приѣздѣ отдастъ тебя учиться въ гимназію. А я тоже отдаю Колю въ приготовительный классъ! Я уже списалась о немъ съ твоими родителями. Онъ будетъ жить въ городѣ у васъ!..

— Ну, славу Богу! перекрестилась Игнатъевна.—Да и пора ужъ!

Погоуляли, порѣзвились, теперь пора приниматься и за дѣло! Посмотрите на Андрюшу! Вѣдь любо-дорого поглядѣть. Идетъ первымъ ученикомъ! А онъ-ли не шалопаи!

Я не чувствовала отъ радости подъ собою ногъ. Неужели я буду учиться, буду ходить въ гимназію, имѣть подругъ, готовить уроки? Неужели я буду рано вставать, когда еще будетъ темно, буду помогать Колѣ и мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ повторять уроки, писать, вмѣстѣ выходить изъ дому и вмѣстѣ возвращаться домой къ обѣду? Въ дождь, въ слякоть, въ морозъ, мы будемъ съ нимъ отправляться на работу и никому и въ голову даже не придетъ не пустить насъ, задержать насъ дома, какъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Я не помню, какъ я въ тотъ вечеръ пила чай, какъ сидѣла за столомъ, что дѣлала и что говорила. Мнѣ хотѣлось каждую минуту вскочить изъ-за стола, побѣжать поскорѣе къ своимъ вещамъ и начать укладываться.

— Что, печерица, хочешь домой? обратилась ко мнѣ Игнатъевна.

-- Хочу! отвѣтила я откровенно.

Тетя посмотрѣла на Фросю и Борису и тоже прочла и въ ихъ глазахъ.

— Да, дѣтки, задумчиво сказала она и покачала головой.—Главное на свѣтѣ—свое родное гнѣздо и трудъ! Какъ-бы ни было вамъ хорошо у меня, а все васъ потянетъ туда, гдѣ ваши мать и отецъ и гдѣ васъ ожидаетъ вашъ дѣтскій трудъ! Мы, старики, сѣмемъ хлѣбъ, молотимъ, копаемъ землю, а вы, дѣти, ходите въ школу, одѣваете вашихъ

куколь, вырѣзаете картинки, и склеиваете домики изъ приложеній къ вашему дѣтскому журналу! И все это трудъ.

Отѣздъ былъ назначенъ на 26-е августа.

Послѣдніе дни я ходила по усадьбѣ и прощалась съ нею. Были утренники и желтые листья уже опали, въ воздухѣ было свѣжо и прозрачно и кругомъ стоялъ запахъ осени. Грусть такъ рано умиравшей природы сообщалась и моему душевному настроенію и мнѣ хотѣлось въ одно и тоже время и плакать, и радоваться, мнѣ было и тяжело и горько, но въ этомъ горѣ я чувствовала какую-то сладость, какую способна передать одна только музыка, да пожалуй еще наша сѣверная, умирающая природа. Здѣсь вотъ я какъ-то упала, здѣсь росли лиліи, одну изъ которыхъ Андриуша понюхала такъ, что его укусила пчела, а вотъ здѣсь сидѣлъ когда-то Вася и тяжело дышалъ, запыхавшись отъ бѣга. Вотъ и та купальня, гдѣ мы купались въ первый разъ, а вотъ и лодка, на которой мы когда-то ѣздили на мельницу. Теперь ужъ лягушки больше не кричатъ и сѣрая рѣка уже катитъ свои холодныя волны по обнажившимся берегамъ и старыя липы уже не отражаются больше въ ея зеркальной когда-то водѣ.

Но вотъ уже и 26-е число. Свѣтитъ солнце. Ночью былъ морозъ и когда я просыпаюсь утромъ и выглядываю изъ окна, то все покрыто бѣлымъ инеемъ. Всѣжимаются отъ холода, и я слышу, какъ Игнатъевна кому-то говорить:—

— Какая нынче ранняя осень! Должно быть, въ Москвѣ сегодня снѣгъ!

Несмотря на то, что поѣздъ отходить отъ станціи только въ десять часовъ вечера, мы всѣ на ногахъ уже съ семи часовъ утра. И какъ два съ половиной мѣсяца тому назадъ въ городѣ, я хожу въ нетерпѣннн взадъ и впередъ по комнатамъ, всѣмъ мѣшаю, ко всѣмъ пристаю и ною:—

— Няня, да когда же наконецъ мы поѣдемъ?

Тетя-Оля, Игнатъевна, всѣ чады и домочадцы заняты собираніемъ насъ въ дорогу. Для насъ пекутся пирожки, вкусныя печенья, отданъ приказъ, чтобы къ вечеру были сняты самыя густыя сливки и налиты для насъ въ бутылки. И вотъ когда настаютъ наконецъ восемь часовъ вечера и насъ одѣваютъ потеплѣе, чтобы мы не озябли, то я начинаю отъ нетерпѣннн дрожать. Сейчасъ мы поѣдемъ.

— Ну, прощайте, дѣти! говорить намъ тетя-Оля. — Кланяйся, Вѣрочка, твоимъ папѣ и мамѣ и поцѣлуй ихъ за меня! Пиши намъ!

Она прижимаетъ каждого изъ насъ къ своей груди, креститъ насъ и горячо цѣлуетъ. Я замѣчаю, что тихія слезы текутъ у нея по щекамъ. Игнатъевна сгребаетъ всѣхъ насъ въ кучу и тоже цѣлуетъ насъ и желаетъ намъ счастливаго пути. Старенькая Пелегея Арсенъевна лепечетъ что-то и тоже клюетъ насъ своимъ длиннымъ носомъ. Горничная и кухарка суетятся около нашего багажа... Затѣмъ мы всѣ присаживаемся на минуту, встаемъ и отправляемся садиться въ тарантасъ.

Ночь. Темно. Все небо покрыто звѣздами и оттого, что на крыльцо вынесена лампа, кажется еще темнѣе. Лошади встряхиваютъ гривами и бречатъ бубенцами, двѣ собаки вертятся подъ ногами и виляютъ хвостами. Григорій сидитъ согнувшись на козлахъ и намъ кажется страннымъ, какъ въ такой темнотѣ онъ сможетъ разсмотрѣть дорогу?

Сначала укладываются узелки, подушки, Лука подвязываетъ къ задку большой чемоданъ, а затѣмъ уже начинаемъ усаживаться и мы.

— Коля, сядь сюда! слышатся голоса тети, Игнатъевны и няни. — Фрося, пересядь, матушка, вотъ сюда! А ты, Бориска, подбери ноги и придвигайся къ Фросѣ. Что-же ты, Вѣрочка, думаешь и стоишь? Садись скорѣе!

Я влѣзаю въ экипажъ, и мы трогаемся въ путь.

— Прощайте! До свиданія! слышатся позади насъ голоса. — Счастливаго вамъ пути! Пишите!

Чувство сожалѣнія о томъ, что мы уѣзжаемъ, затѣмъ радостное чувство, что мы ѣдемъ домой, наполняютъ наши сердца и мы ѣдемъ и то и дѣло вскакиваемъ съ мѣстъ и никакъ не можемъ усидѣть покойно ни одной минуты.

— Да, что вы все возитесь! говоритъ намъ няня. — Сидите спокойно! Точно у нихъ гвозди въ спинѣ!

Восходитъ большая круглая луна и намъ становятся видны и поля, и дорога и встрѣчающіеся по пути лѣски и хутора. Я стараюсь приглядѣться къ нимъ, но всѣ они уже не тѣ, что были два съ половиною мѣсяца тому назадъ, когда мы въ первый разъ ѣхали сюда. Лѣса

стояли уже безъ листьевъ, на поляхъ уже не было волнующейся ржи и все кругомъ было безмолвно и мертво и наводило грусть.

— Эй, вы, милыя! то и дѣло слышались покрикиванія Григорія.

Ну вотъ ужъ и нянинъ хуторъ, тпруу!.. Она грузно слѣзаетъ съ тарантаса, ссаживаетъ съ него Фросю и Бориску, вводитъ ихъ въ домикъ, передаетъ ихъ съ рукъ на руки Марьюшкѣ, снова влѣзаетъ на тарантасъ и мы опять продолжаемъ нашъ путь до станціи желѣзной дороги.

— Уложи ихъ Марьюшка, спать! кричитъ съ тарантаса няня. — По корми ихъ и пусть Фрося завтра идетъ къ себѣ домой, а Бориска ждетъ моего возвращенія! Я скоро приѣду!

Милые Фрося и Бориска! Прощайте надолго! Увижу-ли я васъ когда-нибудь?

Затѣмъ мы продолжаемъ нашъ путь.

Коля молчитъ и пожимается отъ холода, а я гляжу все впередъ въ далекій темный горизонтъ, и жду, когда наконецъ покажутся огни на станціи желѣзной дороги.

Но вотъ уже и станція. Кучка огней въ одномъ мѣстѣ, два-три красныхъ и зеленыхъ огонька въ отдаленіи по сторонамъ—и затѣмъ шумъ прошедшаго поѣзда и свистокъ.

— Ужъ не нашъ ли? говоритъ няня. — Поскорѣе, голубчикъ Григорій! Какъ бы не опоздать!

Григорій погоняетъ лошадей, экипажъ прыгаетъ по какимъ-то кочкамъ и неровнымъ мостамъ, и вотъ наконецъ мы подѣзжаемъ къ станціи.

— Скоро поѣздъ?

— Еще черезъ двадцать минутъ!..

Мы выльзаемъ изъ экипажа и входимъ въ вокзалъ. Душно, спертый воздухъ, кругомъ на диванчикахъ, въ ожиданіи поѣзда, сидятъ и лежатъ пассажиры и мы въ первую минуту не знаемъ, куда приткнуться и гдѣ присѣсть.

— Прощайте, барышня! кланяется мнѣ Григорій. — Прощайте, баринъ! Счастливаго вамъ пути!

Мы прощаемся съ Григоріемъ, онъ уѣзжаетъ обратно и съ его отъѣздомъ порывается послѣдняя связь, которая еще связывала насъ съ этими мѣстами. Теперь, если бы мы даже и захотѣли вернуться къ тетѣ-Олѣ, то сдѣлать это было бы уже нельзя.

Затѣмъ подходитъ поѣздъ, мы занимаемъ въ немъ мѣста, онъ трогается и сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе, мимо оконъ ползутъ станціонные огни. Но вотъ уже и они остаются позади. Прощай, деревня! Прощайте, рѣки, пирамидальные тополи, вѣтряныя мельницы и красивые хутора!

— Ну, а теперь давайте, дѣтки, ложиться спать! говоритъ няня и начинаетъ укладывать насъ на ночлегъ.

Мы ложимся—я съ няней внизу, а Коля наверху. Я слышу, какъ среди ночи въ вагонъ врывается холодная струя воздуха, и вмѣстѣ съ нею входятъ новые пассажиры, но дремота одолеваетъ меня, я не могу поднять головы и забываюсь блаженнымъ сномъ.

Когда-же я просыпаюсь — уже день. Поѣздъ все еще идетъ и чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ все болѣе и

болѣе мною начинается овладѣвать нетерпѣніе и когда наконецъ въ вагонъ входитъ кондукторъ и отбираетъ отъ насъ билеты, то мнѣ кажется, что мы не дождемъ домой никогда и что поѣздъ не двинется, а стоитъ.

Но вотъ ужъ и городъ. Большой вокзалъ, электрическое освѣщеніе, толпы народа, во всѣхъ сторонахъ гудки локомотивовъ и взадъ и впередъ снующіе носильщики и газетчики, выкрикивающіе названія своихъ газетъ.

— Ну, вотъ и пріѣхали! радостно восклицаетъ няня. — Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

Мы выльзаемъ изъ вагона и вдругъ, расталкивая, толпу къ намъ подбѣгаютъ какіе-то господинъ и дама и начинаютъ меня обнимать.

— Папочка! Мама! вскрикиваю я и не чувствую себя отъ радости.

— Вѣрочка! Няня! Коля!

Начинаются объятія, разспросы, поцѣлуи. Мы не знаемъ, что имъ рассказать, съ чего начать, а они смотрятъ на насъ восторженными глазами и все никакъ не могутъ повѣрить, что видятъ меня снова около себя.

— Да какъ-же ты выросла! говоритъ мама. — Какъ ты поправи-лась, пополнѣла!

Затѣмъ мы усаживаемся на извозчиковъ и ѣдемъ домой. Мимо насъ тянутся тѣ-же улицы и переулки и тѣ-же фонари. Вотъ и нашъ домъ. Мы подъѣзжаемъ къ нему, я выскакиваю изъ экипажа и со всѣхъ ногъ бросаюсь къ себѣ по лѣстницѣ наверхъ. Вотъ и наша квартира. Я и Коля обѣгаемъ ея комнаты и все въ ней кажется мнѣ милымъ и роднымъ: и этотъ

старый краснаго дерева диванъ, и этотъ маминъ комодъ, и этотъ папинъ письменный столъ, и эти наши уютныя, мягкія кровати. Мы сбрасываемъ съ себя наши пальто и, пока большіе заняты приготовленіемъ для насъ чая и ѣды, я отпираю мой шкафъ и выворачиваю изъ него всѣ свои игрушки.

Здравствуйте, мои куклы, мой самоваръ, и этотъ несчастный, облѣзлый, безхвостый и безгривый конь покойнаго братишки Володи! Какъ всѣ вы для меня дороги, какъ пріятны и какъ часто я вспоминала о васъ и какъ горячо хотѣла въ васъ поиграть!

Потомъ насъ зовутъ пить чай. Увидѣвъ себя за столомъ, на прежнемъ мѣстѣ, на которомъ я безсмысленно сижу уже четвертый годъ, и эту мою чашечку, изъ которой я пью чай уже цѣлыя шесть лѣтъ, я вдругъ начинаю чувствовать себя въ родномъ гнѣздѣ, не могу и не желаю сдерживать себя и зали-

ваюсь звонкимъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ты чего? спрашиваетъ меня мама.

Я сижу рядомъ съ ней и потому мнѣ близко ее обнять.

— Я такъ рада, что я пріѣхала домой! отвѣчаю я, и прижимаюсь къ ея щекѣ своей щекой.—Я такъ соскучилась по папѣ и по тебѣ!

А Коля подходитъ къ папѣ, садится къ нему на колѣнку и начинаетъ съ нимъ разговоръ.

— Тетя Оля намъ говорила, рассказываетъ онъ,—что главное въ жизни человѣка это свое гнѣздо и трудъ. Вотъ я и пріѣхалъ сюда къ вамъ! Въ Тополькахъ у тети было хорошо, а все-таки тамъ не было чего-то такого, что будетъ здѣсь у васъ! Чего-то серьезнаго... Должно, быть труда!

И мы оба начинаемъ рассказывать, какъ намъ жилось, перебиваемъ другъ друга и трещимъ, трещимъ безъ конца...

М. Б—скій.

КОНЕЦЪ.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 17, помѣщенныхъ въ № 16 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I., Колбаса, Папаха, Гагара; Колба, Папа, Гага; Сахара. II., Сидѣли только четверо: прабабушка, бабушка, мать и дочь (внучка), III, Тополь, сталь, лань, осина, лапти, локоть, нитки, носилки—Константинополь, IV, Я+блоко (яблоко,..) гру+ша (груша).. ды+ня (дыня), переи+къ (персикъ), мали+на (малина), клубни+ка (клубника), а+на+насъ (ананасъ) ...чер+ника (черника), ...сли+ва (слива), ..тыква (тыква). V., Калуга, галка.

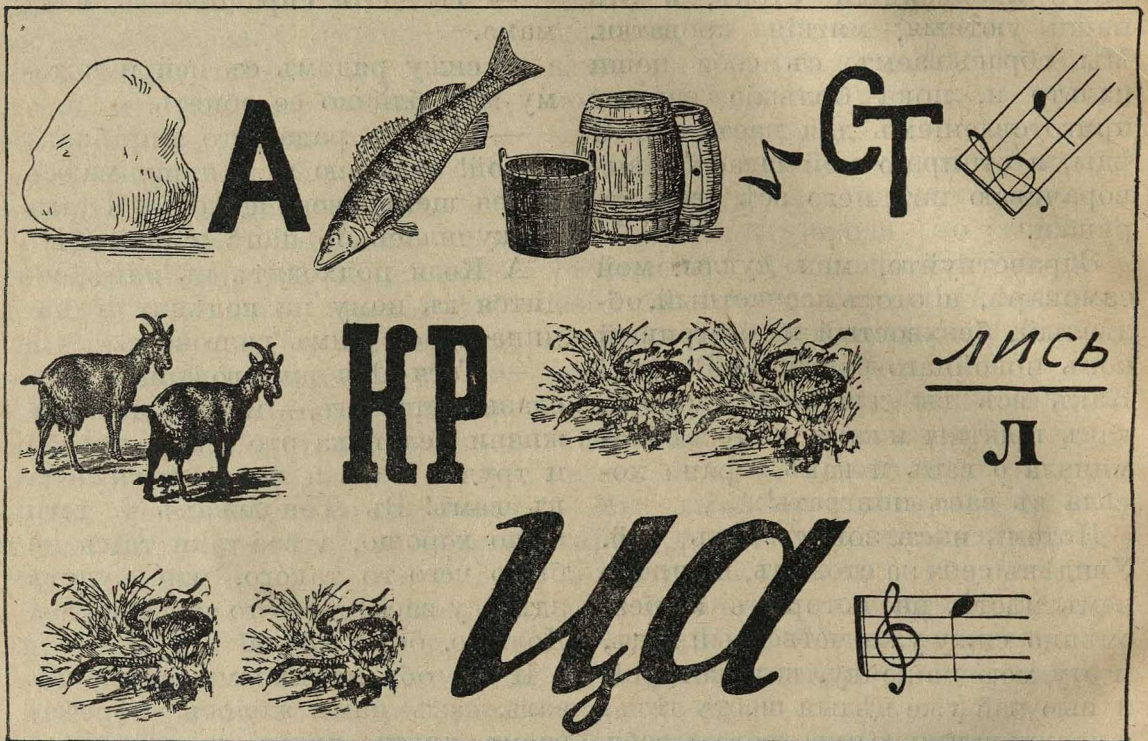
Ребус: Въ че+рамы+разъ+ме+лиса+ми+д+воръ+ип+осы+па+лиса+дѣ+песъ+комъ—Вчера мы размели сами дворъ и посыпали садъ пескомъ.

Верныя рѣшенія за эти семь недѣли прислали: А. Качіани, Л. и И. Машковы, В. Казнаковы, Д. Лисиціанъ, Т. Мозаихинъ, С. Ашурковъ, Муси и Кауса, В. и Л. Цильчиковы, А. и

Т. Крыжановскія, Ж. Лебедева, В. Святенко, Е. Камендровская, Л. Соколова, С. Германова, О. Манцова, П. Ольшанскій, Н. и К. Соколовы, В. Микеровъ, Л. Чудинова, Н. Киселева, К. Колубова, Л. Сутугина, Ш. Заксъ, В. и В. Юдко, А. и Н. Татовы, Ев. Степановъ, В. и С. Неживовы, Н. и М. Старакановы, С. и Я. Слуцкіе, Н. Иванова, Оксаночка и Гришутикъ, В. В. Нѣжинскій, Т. и К. Стародубовы, Н. и Ш. Мартыненковы, В. Алакозовъ, В. и В. Саввонъ, О. Водло, М. Растатуровъ, Н. Кольо, А. и А. Михайловы, Т. Евстратикъ, И. Касьяновъ, К. и М. Полташевскіе, Г. Кулешенко, Н. Кокушкина, М. Романовъ, А. Давыдовъ, Т. Фридманъ, Л. Додина, Н. Гусаровъ, К. Нусенкасъ, Дѣти Добрецовы, И. Кефели, С. и П. Темировы, С. Герусъ, О. Мانتъева, А. и Г. Мизрохъ, Ф. Хенкинъ, С. Адельбергъ, А. и К. Кротовы, Т. Пушкаревъ, А. Прага, К. Поповъ, Н. и И. Фальковы, Ж. Вьяливидзе.

Ребусъ № 19.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

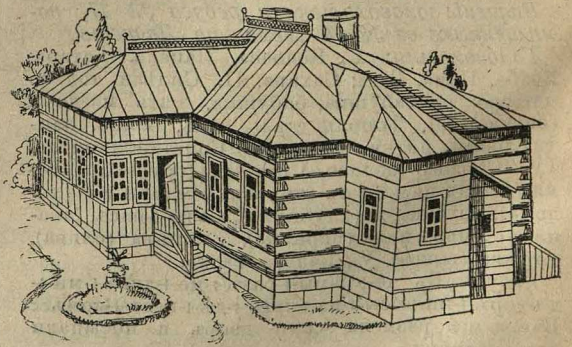
 Гг. Подписчиковъ, приславшихъ при подпискѣ только 3 руб. 80 коп. (а не 4 руб. 80 коп.), Редакція, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ имъ журнала, очень проситъ дослать еще по одному рублю не позже 15-го августа.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Дюмка“.
2. „Въ хеволт“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, биографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями.

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

☞ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ☞

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровскій проспектъ, 26.

4 р. 80 в.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.